

Папа, от тебя воняет!

Все мысли Тао Цю были о детях, оставшихся дома, поэтому он почти не сомкнул глаз. Едва забрезжил рассвет, он уже держал путь назад, по дороге подхватив несколько тушек в качестве благодарности для Чёрного кролика.

Хотя он уже приносил ему дары, лишняя любезность никогда не повредит. Кто знает, может, ещё придётся заглянуть в гости.

Чёрный кролик спал в своей норе, но, услышав шум, выбежал наружу. Едва Тао Цю приблизился, как кролик не сдержал рвотного позыва.

Он и так не завтракал, да ещё и разбудили ни свет ни заря, а тут такая тошнотворная вонь.

— Хррр!!!

— Проваливай! И не подходи ко мне! От тебя несёт как из помойки!

Если бы не разница в силе и страх испачкаться в этой вонючке, Чёрный кролик непременно бы запустил Тао Цю в полёт хорошим пинком.

Тао Цю, только что приземлившийся, недоумённо чирикнул:

— Цю?

— Так сильно воняет?

Сам он, конечно, чувствовал запах, но не думал, что всё настолько плохо. Неужели он так принялся, что обоняние притупилось?

Чёрный кролик, зажав нос лапой, смерил его презрительным взглядом, который был красноречивее всяких слов.

— Хрр?

— Ты что, за этим вонючим земным плодом гонялся?

Глаза Тао Цю загорелись.

— Цю?

— Ты знаешь, что это?

Кролик закатил глаза чуть ли не до затылка.

— Хрр.

— А то я не знаю, что на моей территории растёт? Как раз сейчас сезон, когда эта дрянь созревает и разбрасывает семена.

— Цю?

— А что ж ты мне раньше не сказал?

На морде кролика застыло холодное безразличие.

— Хрр?

— Может, мне тебе ещё доложить, сколько раз я за ночь пукнул?

— Цю.

— Фу, какая гадость.

Чёрный кролик вспыхнул.

— Хрр!

— От тебя сейчас хуже, чем от дерьма, несёт, а ты ещё смеешь других в нечистоплотности упрекать!

Не желая доводить кролика до белого каления, Тао Цю подтолкнул к нему добычу.

— Цю-цю, цю-цю-цю?

— Я нашёл у тебя две нужные мне вещи. Взгляни, доволен ли ты этой благодарностью?

Говоря это, он показал кролику чёрную грушу и редьку. Чёрный кролик понимал, что для Тао

Цю достать их — пара пустяков, к тому же они не входили в его рацион, поэтому особого значения им не придал.

Он принялся к тушкам и, убедившись, что от них не так сильно несёт, как от Тао Цю, нехотя принял дар.

— Хрр!

— Катись отсюда, пока весь мой дом не провонял.

— Цю-цю, цю? — не унимался Тао Цю. — Я видел, этот вонючий плод погубил целый кусок леса. Ты не собираешься с этим что-то делать?

— Хрр, — лениво отозвался кролик. — У Зелёной змеи тоже такое растёт. Она разберётся.

«...»

Вы двое что, никогда не слышали сказку про двух ворон, что сообща гнездо чинили?

Хотя да, откуда им, мутантам, знать человеческие сказки.

Тао Цю решил не настаивать, чтобы не нарываться на неприятности. Впрочем, дома он сможет рассказать эту историю птенцам перед сном, чтобы преподать им урок.

Не дожидаясь, пока его снова погонят, Тао Цю взлетел. Уже находясь в воздухе, он обернулся и крикнул:

— Цю! Цю-цю!

— Спасибо за гостеприимство! Я ещё вернусь!

— Хрр!

— Совсем обнаглел! Ещё раз сунешься — убью!

Тао Цю усмехнулся и, довольный собой, скрылся из вида.

В это время в пещере трое птенцов, позавтракав, резвились, перепархивая с края гнезда на соседний каменный выступ. Это была и тренировка для будущих полётов, и способ лучше овладеть своими крыльями.

Тао Цю натаскал в пещеру камней, которые служили им столами и стульями. Хотя птенцам стулья были пока ни к чему, он приготовил их и для них.

Второй птенец, непоседливая и бойкая, воспринимала это упражнение как весёлую игру и скакала туда-сюда без усталости.

Третья, напротив, отличалась осторожностью. Прежде чем прыгнуть, она тщательно рассчитывала траекторию, чтобы приземлиться точно в цель, а не упасть или врезаться в камень.

Старший, самый крепкий из троих, хоть и не тренировался так раньше, быстро освоился. Но даже занимаясь сам, он не спускал глаз с сестёр. За Третью он почти не волновался, а вот Вторая своей неосторожностью вызывала у него беспокойство.

К счастью, до самого перерыва никто из них не пострадал.

Второй птенец подтолкнула чашки с водой к брату и сестре. После долгой тренировки все хотели пить.

Старший и Третий поблагодарили её и принялись пить.

Сделав пару глотков, Третий птенец вдруг подняла голову и посмотрела на заваленный камнями вход в пещеру.

— Цю? — спросил Старший. — Что такое?

— Цю, — ответила Третья, не отводя взгляда. — Кто-то приближается.

Второй, чмокнув клювом, усомнилась:

— Цю? — Есть кто? Я ничего не чувствую.

Старший покачал головой.

— Цю. — И я тоже.

Хотя он и подумал, что сестре, возможно, показалось, Старший всё же насторожился. Сейчас

они были одни, три беззащитных птенца, и любой взрослый мутант мог с лёгкостью съесть их, как горсть ягод.

Он шепнул сёстрам оставаться на месте, а сам подбежал к входу и прижался к щели, чтобы выглянуть наружу.

— Цю? — тихо спросила сзади Второй. — Ну что там?

Старший ещё раз внимательно осмотрелся и уже хотел было сказать, что всё в порядке, как вдруг в поле его зрения появился знакомый силуэт.

— Цю! Цю!!

— Папа! Это папа!!

Такой поворот событий стал для них настоящим сюрпризом. Второй и Третий тут же бросились к нему.

— Цю? Цю? — Где? Где?

— Цю, цю-цю, — пропищала Третья. — Братик, я тоже хочу посмотреть.

Старший уступил им место.

Увидев приближающегося Тао Цю, сёстры радостно зачирикали:

— Цю-цю! Цю-цю!

— Папа вернулся! Папа вернулся!

Ещё не успев приземлиться на уступ перед пещерой, Тао Цю услышал щебет своих детей. Он принял человеческий облик и с улыбкой ответил:

— Малыши, папа вернулся!

Второй и Третий закричали ещё громче, а в глазах Старшего зажглись радостные искорки.

— Так, так, отойдите немного назад. Папа сейчас будет двигать камни, не стойте близко, чтобы вас не задело.

Птенцам не терпелось прижаться к отцу, но они понимали, что он заботится об их безопасности, и послушно отошли на безопасное расстояние.

Тао Цю, обладая недюжинной силой, быстро раскидал камни, преграждавшие вход.

— Цю!

— Папа!

Второй птенец первой бросилась к нему. Тао Цю подхватил её и подставил щеку для поцелуя.

От волнения Второй дышала так часто, что едва могла говорить.

— Цю-цю... блэ-э!

Фраза «Папа, я так по тебе скучала» оборвалась на полуслове. Вонь, ударившая ей в нос, вызвала рвотный спазм, и весь её завтрак оказался снаружи.

Подбежавшие следом Старший и Третья, хоть и стояли чуть поодаль, тоже почувствовали этот смрад, и их замутило.

«...»

Нет, серьёзно! Он же летел против ветра всю дорогу! И всё равно воняет?

Тао Цю осторожно опустил Второго птенца на землю и, виновато улыбаясь, попятился назад.

— Папа тут испачкался немного. Я сейчас искупаюсь и вернусь вас обнимать.

С этими словами он на максимальной скорости устремился к пруду в долине.

На берегу пруда росла дикая трава. Если её растереть, пены она не давала, но источала сильный свежий аромат. Тао Цю использовал её как моющее средство, тщательно оттерев себя с головы до ног и даже почистив зубы.

Вымывшись, он постоял немного на берегу, приюхиваясь к себе. Убедившись, что от него пахнет только свежей травой, он поспешил обратно в пещеру.

Трое птенцов ждали его на каменном уступе. Едва он приземлился, Второй снова бросилась к нему.

Она уже успела умыться и теперь, глядя на Тао Цю полными слёз глазами, всхлипывая, объясняла:

— Цю, цю-цю, цю-цю-цю!

— Прости, я не хотела тебя обидеть, я очень-очень люблю папу!

Тао Цю обнял и двух других птенцов и, вернувшись с ними в пещеру, уселся на камень.

— Это папа должен просить прощения, — мягко сказал он. — Сюэсюэ хотела обнять папу, а папа её так напугал своим запахом.

Слёзы, до этого лишь собиравшиеся в её глазах, покатались по щекам.

— Цю-цю, — захныкала она. — Папа совсем не воняет.

— Мм, правда не воняет? — Тао Цю игриво придвинулся к ней, прищурившись.

Второй птенец не выдержала и рассмеялась сквозь слёзы.

— Цю, цю-цю. — Ну, может, самую малость.

— Я так и знал, — притворно вздохнул Тао Цю.

Тут уже и Старший с Третьим не удержались от смеха.

Наконец-то вернувшись домой, Тао Цю вдоволь наобнимался и нацеловался со своими пушистыми комочками, пока сам не пропитался их птенцовым запахом.

Отдохнув, он проверил запасы еды и воды. Всё было в целости, ничего не испортилось. Оставалось ещё на один день. Значит, птенцы строго следовали его указаниям.

Заметив его взгляд, малыши поняли, что сейчас их будут хвалить, и гордо выпятили грудки, их глазки засияли.

Тао Цю расплылся в улыбке, его голос стал до смешного умильным:

— Ой, а кто это у нас такие умнички? Всю еду, что папа оставил, съели ровно столько, сколько нужно, ни больше, ни меньше. Просто идеальные детки, папа готов хвалить вас хоть тысячу раз!

Птенцы выпятили грудки ещё сильнее.

— Цю-цю, цю-цю-цю, — с гордостью пропищала Второй. — Это мы, мы и есть те самые умнички, о которых говорит папа.

— Цю-цю-цю, цю, цю, — радостно, но смущённо добавила Третья. — Мы следили друг за другом, чтобы не переедать и ничего не оставлять.

Старший, без ложной скромности, рассказал об их последних днях:

— Цю-цю-цю, цю-цю. — Ночью мы дежурили по очереди и никто не ленился.

Они не заставляли Старшего и Второго дежурить дольше из-за того, что те были крепче, и не освобождали Третью от дежурства из-за её слабости.

В пещере было безопасно, так что ночное дежурство было скорее формальностью. Поэтому они не делали различий, и все были довольны. К тому же это укрепляло их отношения.

Тао Цю не просил их дежурить. Этому они научились из историй, которые он им рассказывал. Умные не по годам.

Слушая их, Тао Цю чувствовал одновременно и умиление, и лёгкую боль в сердце. Он снова поцеловал каждого и мягко сказал:

— Мои хорошие, вы так устали. Папа вернулся, теперь вы можете спать спокойно.

Тут птенцы вспомнили, что ещё не знают, нашёл ли папа новые семена.

— Цю, цю-цю? — наперебой зачирикали они. — Папа, ты принёс семена?

— Ах да, чуть не забыл, — хлопнул себя по лбу Тао Цю. — Малыши, в этот раз папа нашёл кое-что интересное.

Когда он возвращался, то оставил грушу и редьку на уступе. Потом их завалило камнями, а он, спеша умыться, совсем о них забыл. А птенцы, увлечённые его возвращением, тоже ничего не заметили.

Редька и груша немного пропахли, но не так сильно, чтобы это было невыносимо. Тао Цю всё равно ополоснул их, прежде чем показать детям.

Чёрная груша была круглой и пухлой, почти как сами птенцы, а редька — так и вовсе длинной с

его руку.

Малыши впервые видели такие растения, их глаза наполнились удивлением и любопытством.

— Это чёрное и круглое называется груша, — начал объяснять Тао Цю. — Это фрукт, как дикие ягоды. А это белое и длинное — редька. Она похожа на помидор: можно и как овощ готовить, и сырой есть. Оба очень вкусные.

— Цю-цю? — спросил Старший. — Мы теперь будем их сажать?

— Да, — кивнул Тао Цю. — Вы же видите, эта редька большая, а когда вырастет грушевое дерево, на нём будет много груш. Это выгоднее, чем сажать ягоды и помидоры. Но и их мы тоже будем сажать, просто поменьше.

Услышав это, Второй птенец тут же загорелась энтузиазмом:

— Цю-цю? — Папа, мы сейчас будем сажать?

— Не торопись, — Тао Цю с улыбкой погладил её по голове. — Подождём несколько дней, мне нужно кое-что подготовить.

— Цю, — разочарованно пискнула Второй, но тут же приободрилась. — Цю-цю. — Хорошо, я тогда буду помогать папе сажать.

— Конечно, моя малышка выросла, уже может помогать папе.

Заметив неуверенность во взгляде Третьего птенца, он догадался, что она боится, что из-за её слабости ей не доверят работу.

— В этот раз нужно будет посадить много растений, папе будет тяжело. Юаньюань, ты ведь тоже поможешь папе?

Тао Цю не ошибся. После его слов глаза Третьего птенца засияли.

— Цю! — Хорошо! — радостно ответила она.

— Мо тоже будет с нами, да? — повернулся он к Старшему.

Старший, до этого сидевший в напряжении, расслабился и, стараясь выглядеть невозмутимым, кивнул:

— Цю. — Конечно.

— Вот и договорились, — подытожил Тао Цю и, потеряв глаза, зевнул. — Я прошлой ночью почти не спал, очень хочу спать. Сейчас поедим, и я лягу. А вы пока поиграйте сами.

Птенцы дружно согласились.

В дороге ни еда, ни сон не были такими комфортными, как дома. Вернувшись, Тао Цю почувствовал, как накопившаяся усталость навалилась на него.

Он быстро поел и, забравшись в гнездо, уснул, едва коснувшись головой подстилки.

Чтобы не мешать отцу, птенцы перестали тренироваться и, усевшись рядышком у его головы, тихонько наблюдали за ним.

Хотя Тао Цю отсутствовал всего два дня и уже вернулся, малыши, почти не разлучавшиеся с ним с самого рождения, всё ещё чувствовали лёгкую тревогу. Им нужно было убедиться, что это действительно их папа, а не сон.

От усталости Тао Цю во сне тихонько похрапывал. Птенцы никогда раньше такого не слышали и нашли это очень забавным.

Второй попробовала повторить, но у неё ничего не вышло. Она удивлённо склонила голову набок и тихо спросила у брата и сестры, но и у них тоже не получилось.

В полдень Тао Цю всё ещё спал. Трое птенцов тихо пообедали и, по привычке, устроились спать на нём.

Проснулся он только к вечеру. Птенцы сидели у входа в пещеру и любовались закатом. Увидев, что он проснулся, они тут же подбежали к нему.

— Ух, как долго я спал, — Тао Цю усадил птенцов себе на голову и плечи и, ополоснув лицо холодной водой, прогнал остатки сна.

Второй птенец, несколько часов сдерживавшая своё любопытство, тут же нетерпеливо спросила:

— Цю, цю-цю-цю? — Папа, что это за звук «хм-хм-хм», который ты издавал во сне?

— «Хм-хм-хм»? — Тао Цю на мгновение задумался, а потом рассмеялся. — Как поросёнок, что ли? Наверное, это храп. Вот так?

Он изобразил, как храпел во сне.

— Цю, цю, — закивала Второй. — Да, вот так. Оказывается, это называется храп.

— Когда тело очень устаёт, во сне можно начать храпеть, — объяснил Тао Цю.

— Цю? — спросила Третий. — Мы тоже так будем?

— Не знаю, — Тао Цю почесал подбородок. — Если когда-нибудь начнёте храпеть, папа вам обязательно скажет.

— Цю, цю-цю! — обрадовалась Второй. — Да! Папа самый лучший!

Птенцы не знали, хорошо это или плохо — храпеть, но раз папа так делает, значит, и им тоже хочется.

Детские мысли так просты.

Пока не стемнело, Тао Цю облетел свои владения, заодно прихватив ещё несколько тушек. Следующие два дня он планировал посвятить посадке новых культур, и времени на охоту, скорее всего, не будет.

Пока он отсутствовал, птенцы смирно ждали его дома.

Третий смотрела на вход, надеясь поскорее увидеть отца.

Внезапно в её памяти всплыла картина двухдневной давности, когда они провожали его.

— Цю! — вскрикнула она и подпрыгнула.

Старший и Второй тут же повернулись к ней.

— Цю?

Третий посмотрела на брата и сестру и, немного поколебавшись, тихо прошептала:

— Цю-цю, цю-цю-цю? — Братик, сестричка, можно вы не будете говорить папе, что я в тот день плакала?

Тогда Третий так расстроилась из-за ухода отца, что не сдержала слёз. Старшему и Второму пришлось долго её утешать.

Теперь ей было очень стыдно. Брат и сестра не плакали, а она распустила нюни. Ей не хотелось, чтобы папа об этом знал.

Второй, не задумываясь, согласилась.

Старший, понимая чувства сестры, похлопал её по спинке крылом, как это делал папа.

— Цю, цю-цю. — Не бойся, мы не скажем.

Третий успокоилась.

— Цю. — Спасибо, братик, сестричка.

...

Тао Цю принёс двух живых зверьков и скормил им по кусочку груши и редьки, чтобы посмотреть на эффект.

Эти растения были не из его владений, и он не видел, чтобы другие животные их ели. Нужно было проверить.

Он хотел понять, ядовиты ли они, и если да, то сможет ли его способность нейтрализовать яд. А если не сможет, то можно ли использовать этот яд в своих целях?

Трое птенцов, стоя на каменном столе, наблюдали за экспериментом.

Груша пахла сладко, а её мякоть была сочной. Зверёк, которому её дали, не только не сопротивлялся, но и съел всё с удовольствием.

А вот редька, разрезанная, издавала резкий, едкий запах, что-то среднее между остротой и вонью. Конечно, не так ужасно, как вонючий плод, но всё же. К тому же, её мякоть была сухой и волокнистой. Вкус, должно быть, отвратительный.

Даже под угрозой расправы второй зверёк долго упирался, прежде чем съесть предложенное.

Честно говоря, будь этот зверёк поумнее, он бы наверняка сказал Тао Цю: «Честь дороже жизни, убей меня сейчас же!»

Потому что это было действительно невыносимо.

Через минуту у зверька, съевшего грушу, проявилась реакция. Его глаза затуманились, тело обмякло. Тао Цю попытался его поднять, но он тут же снова упал. А вскоре и вовсе уснул.

Ни рвоты, ни конвульсий. Значит, не яд.

Больше всего это было похоже на опьянение.

Неужели эффект этой груши — просто быстро усыпить жертву?

Тао Цю посмотрел на оставшиеся груши, и у него дёрнулся глаз.

— Дерево и плоды выглядят так устрашающе, а способ охоты такой примитивный?

Неудивительно, что оно росло вместе с той лианой. Само по себе оно было слишком слабым.

Их тактика, должно быть, была такой: груша привлекает жертву, та съедает плод и засыпает, а лиана её убивает и утаскивает под корни в качестве удобрения.

Тао Цю дал зверьку немного груши, и через полчаса тот уже пришёл в себя.

А вот тот, что съел редьку, если не считать искажённой от отвращения морды, был в полном порядке.

Тао Цю запер обоих зверьков в глубокой яме, а на следующее утро снова их проверил. Они были живы и здоровы. Теперь он был спокоен.

После завтрака Тао Цю отложил груши в сторону и закопал редьку в специально насыпанную в пещере грядку, после чего начал стимулировать её рост.

Эта редька была уже взрослой, так что много энергии не потребовалось.

Через десять минут она, как и те старые редьки в поле, отцвела, на ней появился маленький, похожий на тыкву, семенной стручок, а сама она потемнела и раздулась, готовясь взорваться.

Тао Цю вовремя остановился, вытащил редьку и собрал семена.

Без дальнейшей стимуляции процесс взрыва замедлился, и опасности она пока не представляла.

Тао Цю вскрыл стручок, достал семена и снова их посадил.

На этот раз нужно было вырастить их с нуля, да и семян было около десятка, так что времени и сил ушло гораздо больше.

Когда редька выросла сочной и крепкой, Тао Цю остановился. Он поел, попил, чтобы восстановить силы, а затем вытащил одну.

Даже не до конца созревшая, она была внушительных размеров — не меньше метра двадцати в длину, почти с ребёнка ростом. И тяжёлая — Тао Цю с трудом держал её одной рукой.

Птенцы были поражены. Они сгрудились вокруг, тараща глаза и возбуждённо чирикают.

— Большая редька! Большая редька!

Размер Тао Цю удовлетворил. Теперь оставалось проверить вкус.

Он смыл с неё землю и, не чистя, чтобы не тратить зря, прямо на глазах у детей разрезал её пером-ножом.

На этот раз мякоть была хрустящей и сочной, а запах — свежим, с лёгкой сладкой ноткой.

Тао Цю попробовал сам. Хрустящая, сочная, не такая сладкая, как фрукты, но со своим неповторимым вкусом.

Убедившись, что всё в порядке, он нарезал несколько кусочков для детей.

Он хотел было нарезать помельче, чтобы им было удобнее есть, но птенцы уже нетерпеливо топтались рядом.

Когда они распробовали, Тао Цю спросил:

— Ну как? Нравится?

Третий ответила:

— Цю, цю-цю. — Хрустящая, вкусная.

Второй покачала головой:

— Цю, цю-цю-цю. — Вкусно, но я больше люблю сладкие ягоды и помидоры.

Старший высказался более подробно:

— После редьки, как и после ягод с помидорами, в теле становится тепло и приятно. Вкус хороший, можно есть каждый день. И она такая большая, я одним кусочком наелся.

— Спасибо, малыши, за ваше мнение, — улыбнулся Тао Цю. — Мы посадим побольше, на зиму запасёмся.

Отдохнув, Тао Цю продолжил стимулировать рост остальных, чтобы проверить, будут ли они взрываться после его обработки.

<http://bllate.org/book/15883/1585981>